

Праздник просвещения 12-го января

«Что может быть ужаснее деревенских праздников!» Ни в чем с такой очевидностью не выражаются вся дикость и безобразие народной жизни, как на деревенских праздниках. Живут люди буднями, умеренно питаются здоровой пищей, усердно работают, дружелюбно общаются. Так продолжается недели, иногда месяцы, и вдруг добрая жизнь эта нарушается без всякой видимой причины. В один определенный день все одновременно перестают работать и с середины дня начинают есть необычные вкусные кушанья, начинают пить заготовленные пиво и водку. Все пьют; старые заставляют пить молодых и даже детей. Все поздравляют друг друга, целуются, обнимаются, кричат, поют песни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; все говорят, никто не слушает; начинаются крики, ссоры, иногда драки. К вечеру одни спотыкаются, падают и засыпают где попало, других уводят те, которые еще в силах, а третьи валяются и корчатся, наполняя воздух алкогольными зловониями.

На другой день все эти люди просыпаются больными и, понемногу оправившись, опять до следующего такого дня принимаются за работу.

Что это такое? Отчего это? А это праздник. Храмовой праздник. В одном месте Знаменье, в другом Введение, в третьем Казанская. Что значит Знаменье и Казанская, никто не знает. Знают одно, что престол — и надо гулять. И ждут этого гулянья, и после тяжелой трудовой жизни рады дорваться до него.

Да, это одно из самых резких выражений дикости рабочего народа. Вино и гулянье составляют для него такой соблазн, перед которым он не может устоять. Приходит праздник, и почти каждый из них готов одурманивать себя до потери образа человеческого.

Да, дикий народ. Но вот приходит 12-е января, и в газетах печатается следующее объявление: «Товарищеский обед бывших воспитанников Императорского московского университета в день его основания, 12-го января, имеет быть в 5 час. дня в ресторане Большой Московской гостиницы с главного подъезда. Билеты на обед по 6 руб. можно получать» (следует перечисление мест, где можно получать билеты).

Но это обед не один, таких обедов будет еще десятки, и в Москве и в Петербурге, и в провинции. 12-е января есть праздник старейшего русского университета, есть праздник русского просвещения. Цвет просвещения празднует свой праздник.

Казалось бы, что люди, стоящие на двух крайних пределах просвещения, дикие мужики и образованнейшие люди России: мужики, празднующие Введение или Казанскую, и

образованные люди, празднующие праздник именно просвещения, должны бы праздновать свои праздники совершенно различно. А между тем оказывается, что праздник самых просвещенных людей не отличается ничем, кроме внешней формы, от праздника самых диких людей. Мужики придираются к Знаменью или Казанской без всякого отношения к значению праздника, чтобы есть и пить; просвещенные придираются к дню Св. Татьяны, чтобы наесться, напиться без всякого отношения к Св. Татьяне. Мужики едят студень и лапшу, просвещенные — омары, сыры, потажи, филеи и т. п.; мужики пьют водку и пиво, просвещенные — напитки разных сортов: и вина, водки, ликеры, сухие, и крепкие и слабые, и горькие и сладкие, и белые и красные, и шампанские. Угощение мужиков обходится от 20 коп. до 1 руб.; угощение просвещенных обходится от 6 до 20 рублей с человека. Мужики говорят о своей любви к кумовьям и поют русские песни; просвещенные говорят о том, что они любят *alma mater* и заплетающимися языками поют бессмысленные латинские песни. Мужики падают в грязь, а просвещенные — на бархатные диваны. Мужиков разносят и растаскивают по местам жены и сыновья, а просвещенных — посмеивающиеся трезвые лакеи.

Нет, в самом деле, это ужасно, это ужасно! Ужасно то, что люди, стоящие, по своему мнению, на высшей ступени человеческого образования, не умеют ничем иным ознаменовать праздник просвещения, как только тем, чтобы в продолжение нескольких часов сряду есть, пить, курить и кричать всякую бессмыслицу; ужасно то, что старые люди, руководители молодых людей, содействуют отравлению их алкоголем, такому отравлению, которое, подобно отравлению ртутью, никогда не проходит совершенно и оставляет следы на всю жизнь (сотни и сотни молодых людей в первый раз мертвецки напились и навеки испортились и развратились на этом празднике просвещения, поощряемые своими учителями); но ужаснее всего то, что люди, делающие всё это, до такой степени затуманили себя самомнением, что уже не могут различать хорошее от дурного, нравственное от безнравственного. Эти люди так уверили себя в том, что то состояние, в котором они находятся, есть состояние просвещения и образования и что просвещение и образование дают право на потворство всем своим слабостям, — так уверили себя в этом, что не могут уже видеть бревна в своем глазу. Люди эти, предаваясь тому, что нельзя иначе назвать как безобразное пьянство, среди этого безобразия радуются на самих себя и соболезнуют о непросвещенном народе.

Всякая мать страдает, не говорю уже при виде пьяного сына, но при одной мысли о такой возможности, всякий хозяин бежит от пьяного работника, всякому неиспорченному человеку стыдно за себя, что он был пьян. Все знают, что пьянство дурно. Но вот пьянствуют образованные, просвещенные люди, и они вполне уверены, что тут не только нет ничего стыдного и дурного, но что это очень мило, и с удовольствием и смехом пересказывают забавные эпизоды своего прошедшего пьянства. Дошло дело до того, что безобразнейшая оргия, в которой спаиваются юноши стариками, оргия, ежегодно повторяющаяся во имя образования и просвещения, никого не оскорбляет и никому не мешает и во время пьянства и после пьянства радоваться на свои возвышенные чувства и мысли и смело судить и ценить нравственность других людей и в особенности грубого и невежественного народа.

Мужик всякий считает себя виноватым, если он пьян, и просит у всех прощения за свое пьянство. Несмотря на временное падение, в нем живо сознание хорошего и дурного. В

нашем обществе оно начинает утрачиваться.

Ну, хорошо, вы привыкли это делать и не можете отстать; ну, что же, продолжайте, если уж никак не можете удержаться; но знайте только, что и 12-го, и 15-го, и 17-го января и февраля, и всех месяцев это стыдно и гадко, и, зная это, предавайтесь своим порочным наклонностям потихоньку, а не так, как вы теперь делаете, — торжественно, путая и развращая молодежь и так называемую вами же вашу младшую братию. Не путайте молодежь учением о том, что есть какая-то другая гражданская нравственность, не состоящая в воздержании, и какая-то другая гражданская безнравственность, не состоящая в невоздержании. Все знают, и вы знаете, что прежде всяких других гражданских добродетелей нужно воздержание от пороков, что всякое невоздержание дурно, в особенности же невоздержание в вине — самое опасное, потому что убивает совесть. Все знают это, и потому, прежде чем говорить о каких-нибудь возвышенных чувствах и предметах, надо освободить себя от низкого и дикого порока пьянства, а не в пьяном виде говорить о высоких чувствах. Так и не обманывайте себя и людей, главное — не обманывайте юношей; юноши чувствуют, что, участвуя в поддерживаемом вами диком обычае, они делают не то и теряют что-то очень дорогое и невозвратимое.

И вы знаете это, знаете, что нет ничего лучше и важнее чистоты телесной и духовной, которая теряется при пьянстве; вы знаете, что вся ваша риторика, с вашей вечной *alma mater*, вас самих не трогает даже и вполпьяна и что вам нечего дать юношам взамен той их невинности и чистоты, которые они теряют, участвуя в ваших безобразных оргиях. Так не развращайте их и не путайте их, а знайте, что как было Нюю, как есть всякому мужику, так точно есть и будет всякому — стыдно не только напиться так, чтобы кричать, качать, становиться на столы и делать всякие глупости, но стыдно даже и без всякой надобности, в ознаменование праздника просвещения, есть вкусное и отуманивать себя алкоголем. Не развращайте юношей, не развращайте примером и окружающую вас прислугу. Ведь сотни и сотни людей, которые служат вам, разносят вам вина и кушанья, развозят вас по домам, — ведь всё это люди, и люди живые, для которых так же, как и для всех нас, стоят самые важные вопросы жизни: что хорошо, что дурно? чьему примеру следовать? Ведь хорошо еще, что все эти лакеи, извозчики, швейцары, русские деревенские люди, не считают вас тем, чем вы сами себя считаете и желали бы, чтобы другие считали вас, — представителями просвещения. Ведь если бы это было, они, глядя на вас, разочаровались бы во всяком просвещении и презирали бы его; но и теперь, хотя и не считая вас представителями просвещения, они видят в вас всё-таки ученых господ, которые всё знают и которым поэтому можно и должно подражать. И чему они, несчастные, научаются от вас?

Можно задать себе вопрос: что сильнее: то ли просвещение, которое распространяется в народе чтением публичных лекций и музеями, или та дикость, которая поддерживается и распространяется в народе зрелищами таких празднеств, как празднество 12-го января, празднуемое самыми просвещенными людьми России? Я думаю, что если бы прекратились все лекции и музеи и вместе с тем прекратились бы такие празднества и обеды, а кухарки, горничные, извозчики и дворники передавали бы в разговорах друг другу, что все просвещенные люди, которым они служат, никогда не празднуют праздников объедением и пьянством, а умеют веселиться и беседовать без вина, то просвещение ничего не потеряло бы. Пора понять, что просвещение распространяется не одними туманными и другими

картинами, не одним устным и печатным словом, но заразительным примером всей жизни людей, и что просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда только затемнением и развращением.

Лев Толстой

Комментарий И.Петровицкой

Взволнованный, горячий отклик Толстого на опубликованное 9 января 1891 г. в профессорской газете «Русские ведомости» объявление о «товарищеском обеде» в ресторане «бывших воспитанников Императорского Московского университета» по поводу празднования 12 января (25 января по новому стилю) Татьянина дня (Святая мученица Татиана – покровительница «учащих и учащихся» Московского университета). Полный текст газетного объявления писатель включил в свою статью.

Свою гневную проповедь против пьянства среди интеллигенции Толстой озаглавил горько-иронично – «Праздник просвещения». Толстой написал ее за один день и сам отнес рукопись в редакцию газеты «Русские ведомости», где статья появилась в самый день университетского праздника – день основания Московского университета.

И вновь, как и в статье «Пора опомниться!», Толстой призывал: «Пора понять, что просвещение распространяется не одними туманными и другими картинами, не одним устным и печатным словом, но заразительным примером всей жизни людей, и что просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением».

В дневниковых записях Толстого 9-11 января 1889 г. много важных подробностей, в частности, о реакции на статью редактора журнала «Русская мысль» В. А. Гольцева и редактора журнала «Вопросы философии и психологии» Н. Я. Грота.

10 января: «Встал рано и до завтрака продолжал писать статью о 12 января. Пришел Гольцев. Прочел ему, он одобрил. Докончил и пошел в редакцию <...> Книжники-лицемеры...».

11 января: «...Грот защищал и пьянство, и все, что есть...».

Впервые статья была опубликована в газете «Русские ведомости» в 1889 г. 11 и 12 января, вызвала многочисленные отклики газет. Позже была включена в 13-ю часть 8-го издания «Сочинений графа Л. Н. Толстого» (1890), а также выходила отдельными брошюрами.

Одну из первых рецензий на статью Толстого напечатало «Новое время» А. С. Суворина «По поводу проповеди гр. Л. Н. Толстого в Татьянин день» (1889, № 4641, 29 января).

ПСС, т. 26, 446–450.

Фрагменты этой статьи напечатала в 2000 г. на первой полосе газета «Московский университет», отмечая студенческий праздник Татьянин день.

Версия #3

Зверобой создал 28 марта 2025 15:31:48

Зверобой обновил 29 марта 2025 10:59:37